

М. КАПОВИЧ

Тоны в южнославянских языках*

Праславянский язык обычно реконструируется как тоновый, однако в большинстве современных славянских языков тоны утрачены. Известные исключения — боснийско-хорватско-черногорско-сербский (сербскохорватский в традиционной терминологии) комплекс (который диалектологически традиционно делится на штокавский, чакавский и кайкавский) и словенский. Литературный штокавский (варианты которого используются в Боснии и Герцеговине, Черногории, Хорватии и Сербии) и один из вариантов литературного словенского обладают ограниченным / простым тоновым ударением (*pitch accent*)¹, как и многие (но не все) диалекты в этих странах (в отличие от македонско-болгарского комплекса и всех остальных славянских языков). Тоны в некоторых из этих диалектов (а частично и в литературном словенском, но не в литературном штокавском) унаследованы из праславянского, но часто имеют и вторичное (главным образом ретракционное) происхождение.

Цель настоящей статьи — представить некоторые основные данные, без претензий на исчерпывающую полноту, о тоновом ударении в современных западных южнославянских языках (с акцентом на штокавский / чакавский / кайкавский, а особенно на новоштокавский), в синхронической и диахронической перспективе, с кратким обзором релевантной современной научной литературы и некоторых типичных проблем, особенно тех, которые в современной литературе вызывают недоразумения, путаницу и противоречия².

На словенской территории только треть диалектов сохраняют фонологические тоны. Поскольку тоны сохраняются и в столице Сло-

* Эту статью я с удовольствием преподношу юбиляру — моему другу Сергею Львовичу Николаеву, с которым мы, вместе с другими коллегами, участвовали в двух незабываемых акцентологических экспедициях в староштокавской Посавине в Хорватии в 2006 и 2007 гг. (ср., например, [Karović 2008]), вели — лично и по электронной почте — бесчисленные акцентологические и лингвистические беседы и у которого я многому научился.

¹ Как и все другие тоновые европейские языки (норвежский / шведский, диалектный голландский, латышский, литовский).

² Доклад на эту тему под названием «Tone in South Slavic» был сделан в 2012 г. на workshop'e «Tone: Theory and Practice» в институте Макса Планка в Лейпциге (Германия).

вении, Любляне³, тоновое ударение закреплено в старом варианте словенского литературного ударения (наряду с новым динамическим вариантом)⁴. В нетоновых словенских диалектах обычно представлены квантитативные различия гласных, но иногда и они отсутствуют (например, на крайнем западе Словении — скажем, в городских говорах Нова-Горицы или Копера). Что касается штокавского / чакавского / кайкавского, большое число диалектов являются тоновыми. Число просодем колеблется — с традиционной точки зрения⁵ — от 3 (тоновое различие «нисходящий : восходящий / ровный») до 6 (то есть тройное тоновое различие нисходящего и два типа восходящего тона)⁶. Чаще всего противопоставлены нисходящий и восходящий тон (как он обычно называется, хотя не обязательно, по крайней мере не всегда, является восходящим). В кайкавском и чакавском противопоставление по движению тона, как правило, обнаруживается только на долгих слогах (кроме случаев новоштокавского контактного влияния⁷), а в штокавском — и на кратких слогах (как в литературном штокавском⁸). Распределение западных южнославянских диалектов по числу просодем (от 1 до 6) показано на карте⁹.

³ В отличие от, например, Загреба или Вильнюса, диалекты которых не являются тоновыми.

⁴ Ср., например, словарь словенского литературного языка (SSKJ), в котором приводятся оба варианта.

⁵ В традиционной южнославянской акцентологии краткие и долгие просодемы (например, краткое восходящее ` и долгое восходящее ´ ударение в литературном штокавском) обычно обозначаются отдельными знаками, в связи с чем часто и анализируются как отдельные просодемы. См. подробнее ниже.

⁶ В результате удвоения, когда отдельно рассматриваются краткие и долгие члены пары, получается 6 упомянутых просодем.

⁷ Некоторые примеры таких влияний см., например, в книге (Zečević 2000).

⁸ Все литературные штокавские варианты имеют систему с четырьмя типами ударения (противопоставление восходящего / нисходящего тона + противопоставление по долготе / краткости) новоштокавского типа (все новоштокавские диалекты пережили ретракцию ударения к началу, в результате чего появились новые восходящие просодемы), примерно одинаковую при некоторых локальных новоштокавских различиях (например, хорватский вариант последние полвека предпочитает вместо традиционных вуковских ударений — из словаря Вука Караджича — больше западные новоштокавские варианты). Это относится даже и к новейшему, и наиболее спорному, черногорскому литературному стандарту (ср. [Čirgić, Pranjković & Silić 2010: 34–37]), хотя акцентная система говора столицы Черногории Подгорицы — староштокавская и такое ударение можно часто услышать в официальной речи и средствах массовой информации, к тому же попытка изменения стандарта была бы, безусловно, на руку черногорским языковым сепаратистам, цель которых — создание особого черногорского варианта.

⁹ Карта из (Kapović 2015: 50–51) (с исправленной легендой).

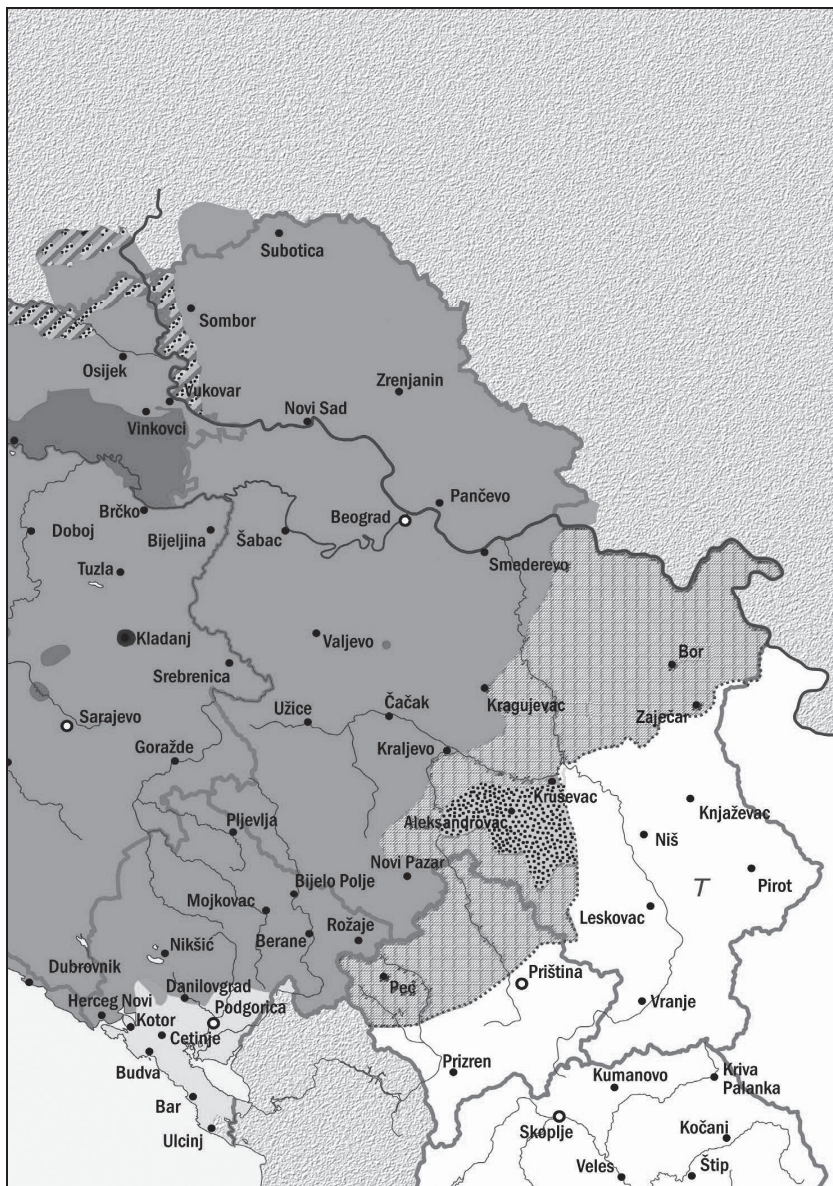
«1» означает динамическое ударение без количественных различий¹⁰, «2» означает динамическое ударение с количественными различиями¹¹, а «3–6» — это различные, более частые или более редкие, варианты тоновых систем (в которых краткие и долгие просодемы приводятся отдельно, так что системы с 3 и 4 «ударениями» на самом деле имеют только противопоставление «нисходящий : восходящий тон», то есть 2 тона, и только системы с 5 и 6 «ударениями» имеют тройное тоновое противопоставление — нисходящего и двух восходящих / ровных тонов).

Тоновые противопоставления в упомянутых западно-южнославянских диалектах могут иметь более новое (ретракционное) и более древнее (праславянское) происхождение. Некоторые говоры могут обладать тоновыми противопоставлениями и нового, и древнего происхождения. Литературный словенский в своем более старом, тоновом, варианте сохраняет оппозицию нисходящего и восходящего тона на долгих слогах (например, *glâs : krâlj* в соответствии с праслав. *gôlsъ : *kôrĭĭ). Такая оппозиция сохраняется и во многих кайкавских, чакавских и штокавских говорах (диал. *glâs : krâlj*), но утрачена в литературном штокавском, где это различие нейтрализовано (литер. шток. *glâs : krâlj*). В литературном штокавском (как и во многих диалектах) представлено новое противопоставление «нисходящий : восходящий тон», происходящее из новоштокавской ретракции, — ср. литер. шток. gen. sg. *glâsa : krâlja* (при диалектном шток. / чак. / кайк. *glâsa : krâlâ* и праслав. *gôlsa : *kôrĭâ). В некоторых диалектах (главным образом западных) древние (праславянские) и новые (ретракционные) тоны могут комбинироваться, что приводит к тройному противопоставлению на долгих слогах, например, диал. шток. / чак. / кайк. *glâsa : krâlja : grâda* (противопоставление, в зависимости от диалекта, «нисходящий : восходящий : восходящий другого типа / ровный тон»). В некоторых диалектах старые противопоставления нейтрализованы, а новые не образовались, и эти диалекты не являются тоновыми.

¹⁰ Таковы, например, исконный кайкавский говор центра Загреба (а ныне и общегородской говор Загреба в целом), современный городской говор Риеки или современные городские говоры западной Истрии (например, Пулы, Пореча, Умага). Такое ударение есть и в некоторых сельских говорах (например, крайние северные кайкавские говоры в Меджимурье, чакавские говоры на севере центральной Истрии или торлацкие штокавские говоры в юго-восточной Сербии). Говору Белграда изначально была присуща новоштокавская система с четырьмя ударениями (без заударных долгот), но в настоящее время она сменяется и существует параллельно с динамическим ударением.

¹¹ В южнославянской акцентологии такое ударение традиционно обозначается знаками, которые в тоновых системах обозначают нисходящие просодемы, — это неточно фонологически, однако фонетически часто верно (поскольку часто в таких системах ударение фонетически — хотя и без тонового противопоставления — нисходящее, особенно на долгих слогах).

Тоновая оппозиция в западных южнославянских языках обнаруживается не только на долгих слогах (где она фонетически, естественно, легче осуществляется), но и на кратких, ср. литер. шток. gen. sg. *žèně* ‘жены’ и 3 pl. praes. *žèně* ‘женят’. Краткое восходящее ударение маргинально существует и в литературном словенском, но оно факультативно и может рассматриваться как аллотоническое, например, *màglà* (старое ударение) и *mə̀gla* (с ретракцией на шва). В данном примере краткое восходящее ударение имеет ретракционное происхождение, но в словенских диалектах различие нисходящего / восходящего тона на кратком слоге может иметь и праславянское, и новое / ретракционное происхождение. В новоштокавском краткое восходящее ударение — всегда нового / ретракционного происхождения, но как исключение в штокавском (кладаньский диалект) и в некоторых старых чакавско-кайкавских текстах существуют и следы сохранения праславянского противопоставления на кратких слогах, к чему мы еще вернемся.

Во многих южнославянских диалектах, сохраняющих старое (праславянское) тоновое противопоставление (то есть различие праславянского долгого циркумфлекса * $\hat{\text{~}}$ и долгого неоакута * $\tilde{\text{~}}$) в односложных словах или на последнем слоге происходит нейтрализация, ср., например, старошток. / чак. / кайк. (в некоторых говорах) *krâlj* < *krâlĭj* (т. е. *glâs* = *krâlĭj*). Такая нейтрализация в последнем слоге иногда связывается с другим частым акцентным изменением в южнославянском — оттяжкой ударения с последнего слога, которое охватывает большинство диалектов: например, *žènà* > *žèna* (при этом результат этой оттяжки сильно варьирует по диалектам: *žèna*, *žèna*, *žèna*, *žèna*). Нейтрализация тонов в последнем слоге (то есть замена восходящего $\tilde{\text{~}}$ на нисходящий $\hat{\text{~}}$) могла бы объясняться сходным образом — как ретракция иктуса со второй / последней на первую мору долгого гласного. Теоретически это возможно, и эти два процесса (нейтрализация тонов и оттяжка ударения) могут быть взаимосвязаны в некоторых диалектах, но в общем случае это неверно, поскольку множество говоров (например, чакавские) последовательно сохраняют ударение типа *ženà* наряду с нейтрализацией тонов в последнем слоге (например, *bolĭ* вместо *bolì*).

С начала XX века известно о существовании особой просодемы — так называемого неоакута, существующего в староштокавском, чакавском и кайкавском (в большинстве говоров)¹⁶. В первых диалектологических описаниях (например, [Белич 1909: 204; Ivšić 1911:

¹⁶ До этого времени неоакут (имеющий праславянское происхождение) смешивался с новоштокавским долгим восходящим ударением (более нового, ретракционного происхождения).

147]) неоакут описывается как «резко восходящий тон», в то время как в современных работах (например, [Langston 2006: 30–70] о некоторых северных чакавских говорах) неоакут часто описывается как ровный (или даже слабо нисходящий) тон¹⁷. Согласно анализу Сергея Николаева, такое произношение неоакута сегодня представлено и в староштокавской Посавине (см. также Ослон 2016). Учитывая, что речь идет об одних и тех же говорах (то есть о староштокавской Посавине, которую исследовал Ившич, и северном чакавском Новом Винодолском, которое изучал Белич), неясно, в чем здесь дело — идет ли речь о фонетических изменениях в XX веке или Белич и Ившич фонетически ровный тон на слух неверно интерпретировали как восходящий¹⁸. Обсуждение фонетической природы неоакута не является беспредметным и с диахронической точки зрения, тем более что в последние десятилетия работами Московской акцентологической школы была поставлена под серьезное сомнение доктрина Ившича—Станга об исключительно ретракционном происхождении неоакута¹⁹.

В южнославянской диалектологии традиционно говорится об «ударениях», которые соединяют в себе тон и долготу. Так, новоштокавский традиционно описывается не как имеющий только противопоставление по нисходящему / восходящему тону наряду с противопоставлением по долготе слогаобразующего сегмента, а как имеющий четыре «ударения» — краткое нисходящее (*pàra* ‘пар’), долгое нисходящее (*pàra* — gen. sg. от *pâr* ‘пара’), краткое восходящее (*pàra* ‘денежка, монета’) и долгое восходящее (*pàra* ‘распоротое место’). Вместо четырех диакритик здесь без проблем можно было бы писать только две, например, *pàra*, *pà:ra*, *pàra*, *pà:ra*. Учитывая существование только противопоставления нисходящего / восходящего тона (то есть учитывая, что система ударения может интерпретироваться как имеющая только один нисходящий и один восходящий тон), традиционная нотация может выглядеть избыточной. С одной стороны, это произвольно и традиционно, а с другой — может нередко определять теоретико-аналитические приоритеты, поскольку отдельные «ударения» в различных говорах могут иметь достаточно разное фо-

¹⁷ См. подробнее [Karović 2015: 373–376], там же литература.

¹⁸ Неоакут и позже, в середине XX в., на слух часто описывался как «резко восходящий» тон, но всегда с прямой ссылкой на Ившича и Белича, поэтому влияние их описаний и авторитета никак не может быть исключено.

¹⁹ Если неоакут в примерах типа *mlâite* рассматривать как прямое отражение балто-славянского доманантного циркумфлекса, а не результатом славянской ретракции, то это существенно меняет ожидания относительно обязательного исконно восходящего характера неоакута. Не исключено и то, что неретракционный неоакут типа *mlâite*, возможно, не был идентичен ретракционному в случаях типа gen. pl. *glâv* < *golvǫ.

нетическое выражение. Так, например, просодема *̀*, которая обычно называется кратким нисходящим ударением, в некоторых говорах действительно и краткая, и нисходящая, однако в других (включая и некоторые штокавские говоры) может быть и полудолгой или даже долгой, а также и восходящей (но с иным типом повышения по сравнению с новоштокавскими восходящими ударениями)²⁰.

Фонетической характеристикой новоштокавских «восходящих ударений» является то, что их заударные слоги всегда высокие (как и ударные слоги), в отличие от низких заударных слогов после «восходящих ударений» — так, *pàra, pâra* (high-low [HL]), но *pàra, pára* (high-high [HH]). Эта высота заударных слогов есть фонетический остаток старого места ударения (*pàra* происходит из *parà*, а *pára* из *pārā*) — сдвинута интенсивность (наряду с возникновением противопоставленного восходящего тона, по крайней мере в некоторых новоштокавских вариантах, на бывшем предударном слоге), но высота еще осталась на прежнем месте. Учитывая это, новоштокавские «восходящие ударения» могут рассматриваться как двусложные по природе. Это привело некоторых исследователей к заключению, что новоштокавское тоновое противопоставление нисходящего / восходящего тона на самом деле не является истинным тоновым противопоставлением, а истинное противопоставление касается не тона ударного слога (где не обязательно должен быть восходящий тон, особенно в кратком слоге), а низкого / высокого тона заударного слога (ср., например, [Lehiste & Ivić 1963]). Таким образом, *pàra* (high-low [HL]) и *pára* (high-high [HH]) различались бы не по движению тона на первом слоге, а по низкому / высокому тону заударного слога.

Хотя такая интерпретация позднее получила широкое распространение в других, в основном теоретических, аналитических работах о новоштокавском ударении, проблема заключается в том, что эта интерпретация прекрасно работает для некоторых новоштокавских говоров (главным образом для их северо-восточной части — куда относится и родной говор Павле Ивича), но не для всей новоштокавской территории, где — хотя более или менее везде можно говорить о «четыре ударениях» (натренированные носители могут воспринимать и фонетически отличные просодемы как свои²¹), конкретные

²⁰ Так, например, в говоре Осиека *̀* в односложных словах нередко реально произносится с восходящим тоном (но не таким, как *̀*), ср. (Benić 2007: 9).

²¹ Например, носитель новоштокавского говора из Сплита в Хорватии, если научится различать новоштокавские просодемы, легко сможет связать просодемы своего родного говора с соответствующими просодемами из, например, сербской Шумадии, хотя они не будут фонетически идентичными. Это может происходить и на подсознательном уровне, и, скажем, носитель говора из хорватской Лики, услышав, как житель сербского Нови-Сада произносит какое-нибудь

фонетические реализации отдельных просодем могут быть достаточно различными. На северо-западе новоштокавской территории (например, в Воеводине) заударный слог после «восходящих ударений» действительно очень высок и выделен, в то время как сами ударные слоги на самом деле в принципе и не являются восходящими. Те диалекты, которые могут считаться «литературными», имея в виду сербский новоштокавский вариант, в таком случае действительно можно анализировать как нетоновые.

Но ключевой просчет, который, как «комедия ошибок», повторяется еще с XIX в. (ср. [Masing 1876] как ранний пример такого анализа), заключается в отождествлении всех новоштокавских говоров. Большая часть дискуссий о различных и противоположных фонетических и теоретических интерпретациях новоштокавского происходит именно потому, что новоштокавский (то есть сербскохорватский) в основном трактуется как единая система, без учета того, что новоштокавские «четыре ударения» не реализуются одинаково во всех частях новоштокавской языковой территории. Вышеприведенная интерпретация новоштокавского как нетонового, например, неприменима к западным новоштокавским говорам, которые несомненно являются тоновыми и где различие нисходящих и восходящих ударений основывается не только на высоте заударного слога (которая там может рассматриваться как избыточная), но и на различном движении тона в ударном слоге. На то, что это так, указывает ряд фактов (ср. еще раз [Karović 2015: 688–689]), а яснее всего — существование усеченных разговорных / диалектных форм типа *rèc!* (литер. *rèci!*) или *káz!* (литер. *káži!*), где восходящие ударения вполне нормально функционируют и без усеченного (и высокого) *-i*.

Но разногласия, простирающиеся из разнообразия новоштокавской акцентной фонетики по говорам, которое в литературе упоминалось, но нередко недостаточно принималось во внимание, — не единст-

слово с кратким восходящим ударением, вероятно, повторит это слово со своим кратким восходящим ударением (хотя их фонетические реализации этого ударения различаются). Здесь следует добавить, что носители новоштокавских говоров без специального обучения не умеют распознавать отдельные новоштокавские просодемы (если не считать того, что они слышат некоторую разницу в произношении), но различают их на подсознательном уровне. Скажем, можно отметить интересный феномен языкового взаимодействия у новоштокавцев, которые учат русский язык, — они замечают, что в русском языке часто ударение стоит на слоге, следующем за тем, на котором у них восходящее ударение (хотя сами и не знают, что это восходящее ударение, то есть вообще не должны быть в этом отношении образованными), и тогда, когда пробуют говорить по-русски, автоматически переносят ударение на следующий слог в словах, где у них восходящее ударение. Это говорит о том, что носители подсознательно «знают» то, в чем сознательно не отдают себе отчета.

венные. Существуют и другие примеры совершенно ошибочных выводов о новоштокавской акцентуации. Одним из самых показательных примеров в этом смысле является книга (Magner & Matejka 1971). Книга написана американскими славистами, очарованными новоштокавской акцентуацией, которые при этом, будучи иностранцами, сомневались в ее существовании вне описаний литературного произношения — что и неудивительно, учитывая большое разнообразие диалектных систем ударения, с которыми авторы, конечно, и сами встречались, и достаточное отличие природы новоштокавского литературного ударения от ситуации в языках типа английского или русского²². К сожалению, их исследование потерпело полную неудачу. Во-первых, выяснение того, насколько говорящие перцептивно распознают новоштокавские ударения, например, в Загребе, в говоре которого заведомо нет новоштокавской системы ударения, методологически не имеет никакого смысла, если иметь некоторое представление о языковой ситуации в этом регионе. Но хуже того, отрицательные результаты (в том смысле, что и новоштокавцы «не знают»

²² В английском, например, и в литературном языке, и во всех диалектах представлена динамическая и не слишком сложная система ударения, и в нем подстраивание к литературному ударению касается возможного изменения места ударения в отдельных словах. В случае литературных языков запада бывшей Югославии ситуация гораздо сложнее. Сами литературные системы (словенского и новоштокавского) весьма сложны (с тонами и разноместным ударением), а большинство нелитературных систем в равной степени сложны и различны между собой. Учитывая такую природу системы ударения (которая типична не только для бывшей Югославии — похожая ситуация и в Литве, Латвии, Японии, Вьетнаме и др.), ее невозможно усвоить путем эксплицитной тренировки при обучении — литературное ударение усваивается путем спонтанного восприятия публичной речи (в школах, на телевидении и т. д.). Но система ударения в том виде, в каком она описана в грамматиках, не есть та, которой пользуются говорящие, чьи родные говоры отличаются ударением от литературного. Например, носитель загребского говора (имеющий в своем родном говоре динамическое ударение типа русского) никогда — и потому что не может, и потому что ему это не нужно — не овладеет полным новоштокавским литературным ударением (с тонами и фонологическими долготами), кроме исключительных случаев (ораторов, некоторых актеров, лингвистов и под.). Носитель языка из Загреба никогда не сможет, например, свое слово *vojnĭk* произнести совершенно литературно как *vòjnĭk* (разве что имея родителей-новоштокавцев и т. п.), а скажет, если будет стараться говорить литературно (например, при чтении велух или в официальной ситуации, на телевидении или в публичном выступлении), — *vòjnĭk*, с динамическим ударением (а не кратким восходящим) на первом слоге и без заударной долготы, так имитируя стандартное ударение. Насколько такие имитации будут приближены к литературному произношению — зависит от говорящего, но такое приближение никогда не будет полностью последовательным (и говорящий, скажем, оттянет ударение в *vojnĭk*, но не оттянет в *nogometāš*, и т. д.); ср. (Karović 2018).

ударений) получены и в новоштокавских районах — по той простой причине, что примеры, на которых велось тестирование, выбраны совершенно неправильно и невежественно. В качестве минимальных пар взяты примеры *òrao* ('орел') и *òrao* ('пахал'), хотя эти формы широко варьируют по диалектам (наряду с *òrao* часто выступает и вариант *órao*, возникающий по аналогии с gen. sg. *òrla* с предсонантным удлинением, а *òrao* в говорах реально чаще всего произносится как *òrō* со стяжением, а кроме того, существует и старый вариант *òrao*²³) и совершенно непригодны для такого рода исследований²⁴.

В хорватской науке также есть примеры неудачных «разысканий» о новоштокавской акцентуации. Так, группа загребских фонетистов неоднократно (см., например, [Varošaneć-Škarić & Škavić 2001; Škarić 2006: 142–149]) говорила о якобы нейтрализации краткого нисходящего и краткого восходящего ударения в литературном новоштокавском в Хорватии²⁵, обнаруживая совершенное непонимание основ лигвистической и диалектной акцентологии, но зато с часто достаточно выраженными националистическими тенденциями (такая нейтрализация была бы «настоящей хорватской» и представляла бы отклонение от классической вуковско-даничичевской акцентуации). Но утверждение о предполагаемой нейтрализации *˘* и *˙* не имеет под собой никаких оснований²⁶. Все новоштокавские говоры

²³ Старое ударение — *òrao* – *òrala* – *òralo*. Ударение может измениться (в конкретных говорах) при стяжении в форме м. р. (*òrao* > *òrō* > *òrō* — в неодносложных глаголах здесь происходит оттяжка ударения к началу слова, например, *preòrao* > *preòrō*), а затем по аналогии за ней могут идти и *òrala* и *òralo* (и тогда *òrao* на самом деле является нестяженной формой с аналогическим ударением по стяженной форме); ср. (Karović 2018b: 256–267).

²⁴ Томас Магнер внес безусловный вклад в южнославянскую диалектологию своими часто новаторскими пионерскими описаниями городских южнославянских говоров, но и эти описания грешат недостаточным знанием акцентологии. Так, в (Magner 1966: 22–23), говоря о соотношении литературного штокавского и загребского говора, он исходит из абсолютно неверного положения, что загребское ударение выводится из литературного штокавского (например, загребское *Hrvāt* – *Hrváta* из новошток. *Hrvāt* – *Hrváta* — на самом деле из кайкавского **Hrvāt* – **Hrváta* < **Hrvātä*), некритически используя штокавские формы вроде *gradōva* (хотя и в его время вариант *grädōva*, соответствующий загребскому *grádova*, был более обычным), сравнивая несравнимое (например, акцентный тип *potòčnik* – *potòčnika* с типом *plème* – *plèmèna* или тип *pèkār* – *pèkàra* и тип *mòment* – *mòmenta*) и т. д.

²⁵ Этот ложный тезис нашел некоторый отклик и на международной сцене (ср. [Langston 2002]), внося тем самым вклад в общую «комедию ошибок», которая нередко возникает в построениях на тему новоштокавской акцентной системы.

²⁶ Положение Шкарича об «общей системе трех ударений» не удалось доказать и его докторантке — ср. (Pletikos 2008: 199–201) (к сожалению, само изложение результатов здесь — возможно, и намеренно — написано очень неясно).

и их носители в Хорватии различают тоны и на кратких слогах²⁷, и эта оппозиция выглядит достаточно стабильной (ср. [Karović 2010]). Как раз наоборот, в XX веке в штокавских диалектах Хорватии происходит ровно обратное — во многих системах ударения происходит именно «неоштокавизация», то есть изменения в направлении именно классической новоштокавской системы, в том числе и появление «классического» краткого восходящего ударения.

Так, в случае «неортодоксальной» новоштокавской акцентной системы Дубровника на крайнем юге Хорватии (частично и в новейшее время) происходят изменения, в результате которых в рамках и до сих пор в основном новоштокавской системы система ударения становится «еще более новоштокавской», и прежние формы *žèna* или *slobòda* изменяются (по крайней мере факультативно и по крайней мере в некоторых говорах, то есть у некоторых носителей) в обычные новоштокавские *žèna* и *slobòda* (детальную историю вопроса и обсуждение см. [Karović 2015: 692–710]). Причины этих изменений — частично контактные (соседние говоры «классического» новоштокавского типа из внутренних районов), а частично это результат внутреннего развития системы. Как можно ясно видеть, здесь система развивается не в сторону утраты ` , а как раз наоборот, в сторону увеличения его частотности (` в Дубровнике существовало и до этих недавних изменений, но в других позициях, например в словах типа *lòpata* и под.), то есть в сторону утверждения тоновых противопоставлений новоштокавского типа и на кратких слогах. Очень похожее явление наблюдается и в Славонии (на континентальном востоке Хорватии), где на севере и юге региона расположены исконные староштокавские говоры (на севере подравско-бараньские, на юге посавские). На севере во многих говорах ` исконно отсутствует, то есть не развилось в результате оттяжки ударения (там старое **ženà* часто дает *žèna*, а не *žèna*), в то время как в южном (посавском) поясе в результате оттяжки на краткий слог, которая различается по говорам, всегда возникает ` , но оно на этой территории гораздо более редко, чем в новоштокавском, поскольку ударение во многих позициях еще не оттянуто (и, например, произносится *lopàta*, а не *lòpata*, и т. п.). То,

²⁷ Исключения могут обнаружиться только в достаточно ограниченных случаях контактов, например, когда исконный новоштокавец, живущий в Загребе, начинает переходить на загребскую систему ударения и в результате вообще утрачивает тоновое ударение (что не слишком частый случай — чаще всего носители сохраняют более или менее свою, до определенной степени «смягченную», исконную систему, — но есть и такие примеры). Здесь, конечно, речь идет об органических говорах и повседневных ситуациях контакта, а не об очень редких примерах, когда нештокавцы пытаются овладеть новоштокавским литературным ударением, которые вряд ли могут иметь какое-либо значение.

что в обоих диалектных зонах, не вполне одинаковым образом, происходит в течение всего XX века и до настоящего времени, — это медленное движение в сторону «более новоштокавского» типа, в результате которого ` или появляется в системе, или увеличивает свою частотность. Изменения в обоих поясах — контактного типа: «неоштокавизация» происходит первично под влиянием более престижного говора больших городов, новоштокавских переселенцев (часто из Боснии и Герцеговины), и, что несколько менее вероятно, средств массовой информации²⁸. В Посавине изменения происходят в результате увеличения частотности форм с перемещенным ударением (типа *lòpata*) — идет ли речь о полном изменении, факультативных формах или формах, которые употребляются только в официальной ситуации, — в то время как в Подравине обнаруживается два типа изменений: постепенное проникновение ` в акцентные системы, где его прежде не было (ср. пример села Шливошевци (Šljivoševci) в [Karović 2008: 143]) или полная замена староштокавской локальной акцентной системы (в которой не было `) славонским новоштокавским койне (в котором есть ` и которое близко к городским говорам типа Осиека). Эти изменения, конечно, было бы интересно подробнее изучить в свете контактов, но несомненно то, что они идут, хотя бы и медленно, в сторону утверждения «классической» новоштокавской системы, включая и тоновые противопоставления на кратких слогах (то есть совершенно обратно тому, что можно было бы заключить на основе беспочвенной теории Шкарича).

Причины, по которым мы здесь упоминаем неудачные теории Магнера и Матейки и Иво Шкарича, заключаются не в некоей присущей им ценности или научной значимости, а в путанице, которую такие ошибочные утверждения вносят в акцентологию, и недоразумениях, которые могут еще возникнуть, особенно когда с такими утверждениями сталкивается неспециалист (например, типолог или акцентолог общего типа), которому трудно оценить, кто прав в том или ином споре.

В заключение можно еще упомянуть два недавних очень интересных открытия в староштокавской акцентологии, которые показывают, что и сегодня можно добыть весьма интересные новые полевые данные. Долго считалось, что неоакут (ударение типа *krälj*), пра-

²⁸ Влияние средств массовой информации здесь безусловно менее существенно, поскольку в них преобладает новоштокавское место ударения, но не всегда само новоштокавское ударение, учитывая большое число в средствах массовой информации говорящих с загребским динамическим ударением. Но, разумеется, на «неоштокавизацию» влияет и то, что новоштокавское ударение — кодифицированное, что оно употребляется в системе образования и т. д.

славянского происхождения, сохраняется исключительно на западе (старо)штокавской территории — в Хорватии и Боснии и Герцеговине (но там исключительно в говорах этнических католиков-хорватов и мусульман-боснийцев). С территории вокруг Копаоника в южной Сербии давно сообщалось о необычном явлении восходящей интонации (которая обычно обозначалась так же, как новоштокавское $\acute{}$) в позициях, где ожидалось бы новоштокавское $\hat{}$ (например, в словах типа *kralj*), но никто не удосуживался выяснить, можно ли говорить здесь о сохранении старого неоакута, — пока это непрерываемо, как это мог только он, не сделал великий Павле Ивич (Ивић 1994)²⁹. В результате стало понятно, что неоакут не исчез рано на востоке штокавской территории, как до этого обычно считалось. Другое большое открытие сделал сербский диалектолог Слободан Реметич (Реметић 2004), который в Кладане (Босния и Герцеговина) открыл «шестиакцентную» систему, то есть систему, в которой кроме четырех новоштокавских ударений и неоакута (это «пятиакцентная» система, типичная для староштокавских говоров в Боснии и Герцеговине и хорватской Посавине) есть и еще одно краткое восходящее ударение (наряду с новоштокавским $\acute{}$), которое происходит из праславянского краткого неоакута и старого акута — ср. кладанское *vòdu* (acc. sg.), *vòda*, но *bàba* и *kòža* (произношение последнего такое же, что и новоштокавского $\grave{}$, но без повышения заударного слога). Хотя эти утверждения Реметича должны быть еще проверены полевыми исследованиями, на убедительность его построений указывают формы типа *kùća* (вместо общепринятого новоштокавского *kùća*), а на самом деле и (результат ли это неверной записи, или идет речь о каком-то дальнейшем развитии) *kùća*, которые на территории восточнобоснийского диалекта отмечались уже очень давно, но оставались без должного объяснения. Если данные и интерпретация Реметича верны, то мы имеем дело с единственным штокавским (и чакавским) диалектом, в котором отличаются рефлексы праславянских * $\acute{}$ и * $\hat{}$ от рефлекса * $\grave{}$ (см. подробнее [Karović 2015: 219–221]).

Перевод с хорватского М. Н. Толстой

²⁹ См. подробнее (Karović 2015: 647–649).

ЛИТЕРАТУРА

- Беличь 1909 — *А. И. Беличь*. Замятки по чакавскимъ говорамъ // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 14, Вып. 2. СПб., 1909. С. 181–266.
- Ослон 2016 — *М. В. Ослон*. Слоговые интонации посавскихъ говоров: можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики? // Балто-славянская акцентология: Материалы VII международного семинара. М., 2016. С. 109–125.
- Реметић 2004 — *Слободан Реметић*. О шесточланомъ прозодијскомъ систему у говору Кладња и околине // Живот и дело академика Павла Ивића. Суботица; Нови Сад; Београд, 2004. С. 651–659.
- Benić 2007 — *Mislav Benić*. Osnovni podaci o osječkoj akcentuaciji // *Filologija*. Br. 48. Zagreb, 2007. P. 1–28.
- Čirgić, Pranjković & Silić 2010 — *Adnan Čirgić, Ivo Pranjković & Josip Silić*. Gramatika srnogorskoga jezika. Podgorica, 2010.
- Ивић 1994 — *Павле Ивић*. Неоакут на падинама Копаоника // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXVII. Нови Сад, 1994. С. 239–246.
- Ivšić 1911 — *Stjepan Ivšić*. Prilog za slavenski akcenat // *Rad JAZU*. Knj. 187. Zagreb, 1911. P. 133–208.
- Каповић 2008 — *Mate Kapović*. O naglasku u staroštokavskom slavenskom dijalektu // *Croatica et Slavica Iadertina*. Vol. IV. Zadar, 2008. S. 115–147.
- Каповић 2010 — *Mate Kapović*. O tobožnjoj neutralizaciji kratkih naglasaka u hrvatskom // *Croatica et Slavica Iadertina*. Vol. VI. Zadar, 2010. S. 47–54.
- Каповић 2015 — *Mate Kapović*. Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika / Matrica hrvatska. Zagreb, 2015.
- Каповић 2018a — *Mate Kapović*. The Unattainable Standard – Zagreb Dialect Meets Standard Croatian Accentuation // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7/1. С. 337–362.
- Каповић 2018b — *Mate Kapović*. Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire) // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 2018. Knj. 44/1. S. 159–285.
- Langston 2002 — *Keith Langston*. The Classical Four-Accent System in Contemporary Standard Croatian: Dead or Alive? New York, 2002.
- Langston 2006 — *Keith Langston*. Čakavian Prosody. The Accentual Patterns of the Čakavian Dialects of Croatian, Slavica. Bloomington, 2006.
- Lehiste & Ivić 1963 — *Ilse Lehiste & Pavle Ivić*. Accent in Serbocroatian: an experimental study. Ann Arbor, 1963.
- Magner 1966 — *Thomas F. Magner*. A Zagreb Kajkavian Dialect. University Park, 1966.
- Magner & Matejka 1971 — *Thomas F. Magner & Ladislav Matejka*. Word accent in modern Serbo-Croatian. University Park, 1971.
- Masing 1876 — *Leonhard Masing*. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents: nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit // *Memoires de l'Académie impériale des Sciences de St-Petersbourg*. VIIe Série. 1876. T. XXIII, № 5.

- Pletikos 2008 — *Elenmari Pletikos*. Akustički opis hrvatske prozodije riječi. Prozodija riječi u suvremenom općem naddijalektalnom govoru [doktorska disertacija]. Zagreb, 2008.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika / Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana, 2000.
- Škarić 2006 — *Ivo Škarić*. Hrvatski govorili! Zagreb, 2006.
- Varošanec-Škarić & Škavić 2001 — *Gordana Varošanec-Škarić & Đurđa Škavić*. Neutralizacija kratkouzlaznoga i kratkosilaznoga naglaska u suvremenom hrvatskom prihvaćenom izgovoru // *Govor*. Br. 18/2. Zagreb, 2001. P. 87–104.
- Zečević 2000 — *Vesna Zečević*. Hrvatski dijalekti u kontaktu, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Zagreb, 2000.

Mate Kapović

Tones in the South Slavic languages

The aim of the article is to present basic (albeit not exhaustive) data on the tonal accent in the modern Western South Slavic languages in synchronic and diachronic perspective, with the main focus on Štokavian/Čakavian/Kajkavian and New Štokavian in particular. Apart from that, the author briefly reviews relevant present-day scientific works and touches upon some typical problems, especially those causing confusion, puzzlement and contradictions in research today.

Keywords: Southern Slavic languages, dialect, prosodic unit, tone.